

В МИРЕ ТВОРЧЕСТВА

И МЯ знаменитого эстонского сказочника, поэта и прозаика, заслуженного писателя ЭССР Эно Рауда за книгу «Муфта, Полботинка и Моховая Борода» занесено в Международный почётный список Ганса Христиана Андерсена.

Сериал о Муфте, Полботинке и Моховой Бороде — веселых накситральчиках — перевел на русский язык Лев Вайно, вскоре в свет выйдет третья ее часть, готовится к изданию четвертая. Сейчас переводчик работает над новым произведением писателя — сборником лирических новелл.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию беседу нашего корреспондента Е. Скульской с Эно Раудом и Львом Вайно.

Корр. Ваши произведения, Эно, переведены на многие языки: русский, украинский, белорусский, армянский, грузинский, азербайджанский,

от чего? — «Да все от этого фырканья!» А потом еж приходит к зайцу, а заяц все скачет. «Что ты скачешь?» — спрашивает еж. — «У меня хорошее настроение», — отвечает заяц. «А от чего?» — «Да все от этого скаканья!».

Открываю я перевод, занимающий эдак страниц десять, и в ужасе читаю: «Стоял прекрасный, солнечный, летний день...» Что же это, какой-то день, почему непременно солнечный и летний?! А редактор заступает за переводчика — мол, у него своя фантазия, свой полет мысли...

Словом, я за перевод точный.

Корр. Но что понимать под словом «точный», думаю, и это понятие не однозначно.

Э. Рауд. Но нам с Львом Вайно не пришлось его разъяснять друг другу. Оказалось, что мы исходим из одних и тех же посылок, сле-

ра, накситральчики же ни разу не встречаются с детьми, живут в мире взрослых. Словом, герои Эно Рауда остались накситральчиками, сохранив свою индивидуальность и независимость.

Корр. И все-таки, кто же они, как родились?

Э. Рауд. В детстве мне очень хотелось встретить хотя бы одного гнома. Я рисовал их, искал в лесу под деревьями, иногда, кажется, даже разговаривал с ними. В семь лет я написал первое стихотворение и отослал его в детский журнал «Ластырь» («Детская радость»). Тогда же я придумал себе первый псевдоним — Моховая Борода.

Задумав книгу о накситральчиках (выросших вместе со мной), я и решил одного из них назвать моим первым псевдонимом. У Моховой Бороды, естественно, длинная борода, в ней растет брусника, и когда в газе-

няли страшный шум, требовали убрать последнюю фразу — их страшно огорчила безнадежность этого «никогда». А когда в другом месте Полботинка решил уйти от своих друзей, дети объявили, что просто отказываются читать книги, где происходят такие ужасные события — расстаются друзья.

Л. Вайно. Я тоже прежде всего проверяю текст, читая его своей дочери. И, надо сказать, она безошибочно улавливает погрешности перевода — «недетские» слова, невнятность выражений. И еще я заметил одну особенность детского восприятия — погружившись в атмосферу книги, ребенок очень легко и естественно усваивает специфические, национальные черты произведения (которые я всегда тщательно сохраняю). Казалось бы, нужно будет объяснять, что такое хутор, почему хозяйка его поит гадюку молоком, почему в газете помещаются разрешения на сбор ягод, но вся эта информация не кажется странной — она расширяет кругозор ребенка.

Э. Рауд. Знание всех этих деталей мне представляется очень важным для переводчика — за ними ведь стоят и особенности жизни народа, и его традиции.

Вспоминается один, просто анекдотический случай. У нас в гостях побывала японская переводчица. Мы показали ей книги японских авторов, выходящих в нашей стране. Одной из обложек гостя была просто шокирована. Мы недоумевали: на супер- была изображена женщина в кимоно, запахнутом, как и положено, справа налево. Оказалось, в Японии так одевают только покойников, живые же запахивают кимоно слева направо. Так крохотная деталь может оказаться существенным знаком.

Корр. Но вернемся к накситральчикам. Собираетесь ли вы написать следующую книгу о них?

Э. Рауд. Даже начал уже писать. В ней люди откажутся верить в реальное существование накситральчиков. Их не будут пускать в кемпинг, не будут замечать.

Корр. То есть это будет книга о месте фантазии, карнавального праздника в нашей жизни и, как всегда, будет подвергнут иронии прагматичный склад ума?

Э. Рауд. Книга еще не написана...

Корр. Но добрая ирония — неизменная особенность вашего творчества. Не исключение и новый сборник новелл, над переводом которого работает сейчас Лев Вайно. И так как главный герой книги — автор, ирония его часто обращена к самому себе.

Л. Вайно. Трудно сказать, чего больше в этих новеллах — иронии или лирики. Это своеобразный сплав прозы и поэзии, грусти и надежды. Здесь, в деревне у моря, где в мельнице без крыльев живет печальное привидение, большой человек начинает чувствовать себя гораздо лучше, если ему удастся встретиться за неделю с семью ежами...

Фото Р. Эйна.

Беседы в антрактах

ДЕТЯМ О ВЗРОСЛЫХ

киргизский, литовский, латышский, молдавский, туркменский. Ваших героев знают и любят в Болгарии, Польше, Венгрии, Чехословакии, ГДР, ФРГ, Финляндии, Франции, Дании, Норвегии, Австрии. Готовятся к выпуску ваши книги на английском и греческом.

Сейчас много спорят о том, каким должен быть художественный перевод. Какова тут допустимая мера вольности, что важнее передать — букву или дух произведения? Буквалистская передача текста может погубить очарование оригинала, порвать его ткань, но зато излишнее стремление переводчика к соавторству может столь далеко увести от первоисточника, что перед нами окажется уже совсем другое произведение.

Каково ваше отношение к проблеме перевода?

Э. Рауд. Честно сказать, все эти споры представляются мне в достаточной мере праздными. По-моему, перевод должен быть точным, максимально точным, вот и все. И именно он требует от переводчика большого мастерства, вкуса, литературного дарования. А так называемые вольные переводы или пересказы — мистификация, обман читателя.

Вот смотрите. Как-то в одном издательстве (не буду его называть) решили перевести на русский язык одну мою книгу. Показали мне образцы переводов. Было у меня там два крохотных рассказа про зайца и ежа. Приходит заяц к ежу, а еж все фыркает. «Что ты фыркаешь?» — спрашивает заяц. — «У меня плохое настроение», — отвечает еж. «А

да все от этого фырканья!» И это очень важно, поскольку Лев Вайно переводит на русский. Его перевод должен быть особенно точным — и не только потому, что огромная его читательская аудитория, с русского переводят потом на многие другие языки.

Л. Вайно. Если положить перед собой подстрочник и текст, подготовленный к печати, то станет ясна разница (или дистанция) между переводом буквальным и переводом точным. Подстрочник — полустанок — с тусклыми словами, тяжеловесными конструкциями, не принадлежащий ни одной из литератур. Готовый перевод — конечная станция — факт не только эстонской, но уже и русской литературы.

Корр. Всегда ли вы находите точные аналоги выражениям, понятиям оригинала?

Л. Вайно. Нет, и иногда даже умышленно. Муфта, Полботинка и Моховая Борода — накситральчики. В эстонском языке это ласкательное милое детское словечко. В русском оно более сродни слову «гномик». Но от такого определения я отказался — за ним выстроилась бы целая сказочная традиция тайны, отчасти суеверия, герои оказались бы сродни троллям, привидениям, домовым, а между тем в них нет ничего мистического.

В первой книге я назвал их человечками. Ведь по «происхождению» они ближе всего Карлсону, прилетающему к Мальшу в сказке Астрид Линдгрен. Но и это было неверно. Карлсон — часть детского мира, его иг-

тах появляется сообщение о начале сбора ягод, Моховая Борода аккуратно собирает с себя урожай. Он вообще очень близок природе, знает и любит ее. Муфта постоянно возится с машиной, не мыслит себе жизни без современного транспорта, он — урбанист. Ну, а Полботинка — маленький хулиган, нарушитель строгих законов и укладов.

Л. Вайно. Я бы сказал, что герои Эно Рауда — философские модели человеческих отношений. Написанные с доброй иронией, тонким юмором, они искажают «взрослый» мир ровно настолько, насколько необходимо, чтобы он подчинился детской логике, детским понятиям, детским взаимоотношениям.

Корр. Но почему накситральчики все-таки никогда не встречаются с детьми?

Э. Рауд. Встречаются, когда дети читают книги, и отношения у них складываются очень серьезные. Я сужу по письмам из Эстонии, Финляндии, Сибири, Москвы, Ленинграда. Как-то я получил письмо от мальчика Антоши, который благодарит через меня накситральчиков за подарки к Новому году и обещает им хорошо себя вести, слушаться родителей и вовремя чистить зубы.

Корр. Кто ваш первый читатель и редактор?

Э. Рауд. Конечно, мои дети и жена, тоже сказочник, — Айно Первик. И, знаете, приходится иногда считаться с их замечаниями. Так, накситральчики встретились у меня однажды с самым высоким человеком на свете, потом расстались, и я написал «больше его никогда не видели». Дети под-